

Хайтєва Євразїа Івановна
Єусєв-Оренбурзький Сергєй Іванович

Р/І	ФОНД
І	№
Р-7627	№
СУМСЬКОЇ ОБЛАСТІ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ	

საქაღალდე

ПАПКА
ДЛЯ
БУМАГ

„Ікзамєн“, „Всадник“, „Смерть“, „Человек“, „Сон наяву“
Рассказы. Врезки из газетъ „Русский голос“

СУМСЬКОЇ ОБЛ. Г.І.І.І.	
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ	
ИД №	Р-7627
Ч.І.І.І. №	І
ИМЕНА	УР

1929 год

На 5 л.

5 год-іюб

Инженер Купер знакомил публику с своими работами по Днепрострою. Начал он, по американскому обычаю, с анекдота. Анекдот этот заключался в том, что вот какой он, Купер, свиду маленький и совсем незамечательный, и как один его собеседник по пути в вагоне так ему и сказал:

— Замечательный вот вы человек, мистер Купер, а как на вас взглянешь... на что-же смотреть-то? Смотреть-то, извините меня, и не на что.

Развеселив таким образом публику анекдотом о своей наружности, стал он рассказывать о работе на Днепре. Договорился он с советским правительством во всех деталях и приступил к работе с размахом, в широком масштабе. И вот так работает он себе, как вдруг однажды видит целое племя каких то

новых и совершенно раньше невиданных людей. Высадилось племя из вагонов, вооружилось всякими «стрелябиями» и аппаратами да и пошло вот тут же, рядом с ним, на его можно сказать территории, вышагивать, снимать, примерять, вымеривать.

Смутился мистер Купер.

— Что такое? В чем дело?

Похоже на то, что его работу собираются еще и другие люди делать без его на то ведома. А тут приходят к нему рабочие и инженеры и спрашивают.

— Это от вас что ли немцы приехали?

— Какие немцы?

— Да вот что промеры делают?

Развел Купер руками.

Ничего понять не может.

Обратился к местному начальству за разъяснениями... и там ничего не знают. Ну,

что ж... будем продолжать свою работу, — думает, — а там видно будет. Выйдет он только утром на пригорок, посмотрит из-под руки: работает племя.

И вот, посасывая трубочки, вымеряло племя все до ниточки, упаковало чемоданы свои, позалезло в вагоны и уехало, как будто его тут и не было никогда.

Пожимат Купер плечами.

Понять ничего не может: странная это страна Россия, возможны в ней всякие неожиданности, и даже, можно сказать, приключения.

Долго ли, мало ли спустя только получает Купер из Москвы приказ от Сталина: потрудитесь, мол, гражданин Купер, явиться в Москву в такой то день и в такой то час для объяснений в связи с порученной вам работой.

Ну, что-ж... на то и правительство, что бы объяснений требовать.

Поехал Купер.

Приехал он в Москву, явился к Сталину. Ну, поздоровались за ручку, все честь честью: как поживаете, какая нынче погода? А потом привел его Сталин в большой зал. И тут Купер с перепугу даже весь потом покрылся.

— Я всегда, — рассказывает он, — и одного профессора боялся. А тут их, профессоров-то, добрая сотня собралась. Сидят и на меня с строгим таким любопытством посматривают. И уж чего я совсем не ожидал, — все они великолепнейшим образом говорят на великолепнейшем английском языке... никуда не увертись.

И вот попал Купер в переплет.

Засыпали его вопросами. Настоящий экзамен пришлось держать. Во все детали его плана работ вникали и

разобрали все до последней косточки. Как боевой петух метался Купер под перекрестным огнем допроса. Геройски выдержал атаки самых неожиданных вопросов. Даже нос у него покраснелся и рубашка взмокла, и не заметил он как полдня отошло в вечность и пригласили все собрание отобедать.

— После обеда мы вам еще только несколько вопросов зададим, — утешали его, — надо еще две-три детали выяснить. Ну да полагаем, что все обойдется благополучно.

Что благополучно?... В чем дело?

За обедом Купер не утерпел и нагнувшись к своему соседу почтенному седобородому профессору, спросил потихоньку.

— В чем дело, не можете ли мне объяснить?

— То есть что, извините, объявить?

— Да по какому случаю такое подробное разбирательство? Ведь проект мой давно разработан и принят, и условие заключено и работы производятся.

— Ах, вы вот о чем. Так разве вы не знаете?

— Что?

— Вас не предупредили? Ведь это же все из-за немцев произошло.

— Немцев?

Тут Купер вспомнил про неведомое племя, приезжавшее на Днепр, и смутился.

— Каких немцев?

— А видите ли: немцы предложили свой проект работ по Днепрострою и он

показался правительству гораздо выгоднее и целесообразнее вашего, американского. Ну, раз правительство в сомнении, оно обязано поверить свое сомнение, так как бросать на ветер народные деньги оно не считает себя в праве да и работу

оно хочет иметь идеальную.

Совсем смутился Купер.

— А как вы полагаете, — спросил он, — в каком смысле для меня закончится это совещание?

Профессор пожал плечами.

— Ничего вам с уверенностью не могу ответить. Но у вас есть шанс, мистер Купер. Вы предложили сделать всю работу в семь лет, а немцы предлагают, кажется в пятнадцать.

После обеда было целое сражение.

Задан был главный вопрос:

— Почему рассчитываете вы закончить всю работу в течении семи лет и какие у вас к тому имеются основания и возможности?

Словесный бой кипел.

Но теперь уже Купер знал, с чем он имеет дело, знал, что должен «победить или умереть». Когда ночь опу-

тилась на землю и в зале ярко зажглось электричество, все поле сражения было усеяно телами погибших немцев и Купер выиграл битву.

— Олрайт, мистер Купер, — сказал, прощаясь с ним, Сталин, — все хорошо. Продолжайте работу.

Словом, получил сто звездочкой.

Закljučая свою беседу с публикой, сказал Купер, что вот мол многим кажется, что Россия такая страна, что и «смотреть не на что». Но не просчитайтесь — мол она, мол, очень, очень быстро, и опомниться не успеете, как Россия даст много очков вперед Америке. Она во много раз богаче Америки и богатствами природными и неограниченными возможностями, таящимися в ее народе.

— Смотрите, что бы не было поздно: Признавайте ее скорей!

ти и отроки должны быть сжигаемы, так как они «красные драконы».

Согласно учения хлыстов, взаимные отношения между мужчиной и женщиной должны носить непременно «духовный» характер. Но как и следует ожидать «духовное» сожительство сплошь и рядом принимает плотский характер. И вот наиболее фанатичные члены секты, не надеясь на себя, решили предупредить возможное «греболопадение» и... оскопить себя. Так возникает родственная хлыстам секта скопцов, которых в Черкизове тоже можно насчитать десятки.

И хлысты, и скопцы — организации явно контрреволюционные и изуверские, но, не смотря на это, в Черкизове они сумели широко поставить свою «работу» окопать и под носом у Москвы заниматься своими темными делами.

Земля обетованная.

Население Черкизова численно приближается к 40 тысячам и равно населению среднего губернского города. Поскольку секта хлыстов является нелегальной организацией, нигде не зарегистрированной, точного количества ее членов установить нельзя. Местные старожилы утверждают, что число хлыстов и скопцов в Черкизо-

легенда о сотворении мира богом в шесть дней. Эта легенда утверждает, что и земля, и животные, и растения, имеющиеся на ней с момента своего сотворения, неизменно сохраняют тот образ, который дал им бог.

Знаменитый ученый 18-го века Линней твердо верил в эту легенду, он считал, что все формы органического мира созданы творческой волей бога, при чем каждый вид животных и растений был создан им по особому плану.

Великий французский ученый Кювье, работавший в начале 19-го века, также думал, что все виды созданы богом и что они во все времена существования земли оставались неизменными.

Однако, изучая анатомию, т. е. внутреннее строение органов различных животных, и сравнивая их с животными, которые жили на земле раньше, Кювье убедился, что в разные эпохи истории земли жили не одни и те же организмы. Для объяснения этого факта он придумал теорию катастроф. По этой теории спокойная жизнь земли много раз прерывалась ужасными переворотами, во время которых гибло все ее население. Но после каждой такой катастрофы бог созда-

существующие организмы развились из более простых, живших раньше, тем не менее хорошо объяснить, почему это развитие происходит, Ламарк не сумел, и его теория не была принята учеными.

Учение о том, что все существующие организмы развились из более простых, живших ранее, удалось научно обосновать и доказать лишь Дарвину путем введения в это учение принципа борьбы за существование и выживания в этой борьбе наиболее приспособленных элементов. Дарвину необходимо было доказать, что все организмы действительно изменяются, и, с другой стороны, нужно было объяснить, благодаря каким силам совершается эта эволюция. И он сумел справиться с этой задачей.

Изучение близких между собою организмов показало, что они связаны между собою целым рядом непрерывных переходов, и что никакой «пропасти», отделяющей эти виды организмов друг от друга, нет. Иногда эта связь между видами бывает настолько тесная, что даже трудно сказать, где кончается один и начинается другой.

Стало быть, виды не созданы отдельно друг от друга. Если же мы посмотрим на домашних животных, то мы

видим новые виды в природе происходят благодаря естественному отбору. Каждое животное, а особенно растение, производит очень большое потомство, но из числа его представителей погибает огромное большинство, а выживают только лучшие, т. е. наиболее сильные и наиболее приспособленные. У оленей, которым от нападения волков приходится спасаться бегством, выживают только особи с крепкими ногами. Таким образом и в природе беспрепятственно совершается отбор, который вызывает избытком рождающихся организмов и их борьбой за существование.

Таким образом Дарвин, установив изменчивость организмов и передачу этих изменений потомкам, констатировал факт естественного отбора в природе и выживания организмов с полезными, т. е. целесообразными, признаками. Этим путем он сумел объяснить целесообразное строение всего органического мира.

Полезные признаки, которые появляются у особи и дают ей преимущество перед другими организмами, передаются ее потомкам благодаря наследственности. При этом Дарвин почти ничего не знал о том, как происходит такая передача признаков по наследству. Но теперь, спустя

наследственные признаки от отца и матери. Тщательное изучение ядер клеток при помощи микроскопа показало, что они включают в себя особые, обычно колбасовидные, образования, так называемые хромосомы. Вот эти хромосомы, лежащие в ядре, и являются истинными носителями наследственных свойств. Каждый наследственный признак появляется у потомков только потому, что в хромосоме, которая прошла или через живчик или через яйцо, лежит наследственный задаток этого признака. У плодовой мухи - дрозофилы, которую тщательно изучали, таких наследственных признаков нашли около 400 штук. А в то же время у нее только 4 пары хромосом. 400 наследственных задатков этой мухи расположены в ее 4 хромосомах, стало быть, каждый наследственный задаток занимает только маленький участок хромосомы. Зная, как происходит передача наследственных признаков, нам становится понятным и как происходит изменение организмов. Всякое наследственное изменение организма связано с изменением наследственных задатков, находящихся в хромосомах. Внимательное изучение таких изменений показало, что наследственные признаки изменяются резко, как бы скачком. Например,

включается в вылавливание таких, внезапно появляющихся, изменений-мутаций и в отборе тех из них, которые полезны для человека. Например, в Америке в одном стаде овец вдруг появилась одна овца с короткими ногами. Такое строение тела овцы было выгодно для хозяина, так как это мешало овце перепрыгивать через изгородь и портить соседнее поле. Фермер оставил ее, и при помощи скрещивания через непродолжительное время получил целую породу таких коротконогих овец. Этот признак коротконогости оказался очень стойким и дальше не изменялся. Вообще все появляющиеся мутации у разных организмов оказываются очень стойкими и изменяются вновь крайне редко.

Все различные породы животных, которые человек получил в течение нескольких тысячелетий, состоят из комбинаций различных наследственных признаков, при чем число этих признаков очень невелико. Это показывает, что мутации появляются очень редко. Ясно, что если бы сумели искусственно вызывать мутации, то получать новые породы животных и растений было бы значительно легче. Перед наукой и встал этот вопрос. Чтобы его разрешить, надо было бы найти какую-нибудь силу,

наконец, в 1927 году американец Моллер применил рентгеновские лучи определенной силы, и получил у плодовой мухи-дрозофилы, с которой он работал, очень много наследственных изменений. Рентгеновские лучи в опытах Моллера оказались способными проникать до хромосом и изменять наследственные задатки, которые лежат в них. Всего таких изменений-мутаций он нашел несколько сот. Под действием рентгеновских лучей мутации появляются в 150 раз чаще, чем в обычных условиях. Открытие Моллера дает нам очень много. Если мы научимся рентгеновскими лучами изменять наследственные задатки у домашних животных и растений, то получим много таких наследственных изменений, что будем отбирать из них те, которые нам полезны, и быстро сумеем выводить новые породы.

Таким образом наука открыла человеку возможность не только отбирать, но и вызывать многочисленные наследственные признаки у представителей органического мира. Успехи науки привели к тому, что человек своими руками будет в состоянии создавать новые породы животных и растений. Благодаря науке человек из раба природы превращается в ее творца и реформатора. Н. Д.—н.

ных согласных после «в» и «с», следующим по чистоте представляется «ф», звучащее почти одинаково как у гуся, так и у кошки. Достоинством оптического метода исследования, между прочим, является несомненная возможность наметить наличие слов в криках животных, будь это отдельные звуки, сочетания гласных с согласными или же целые комплексы звуков наподобие кукареканья петуха. В то время как в звуках петуха обыкновенно различают только четыре тона, оптическое изображение дает пять ясно выраженных тонов, чего не в состоянии уловить и изощренное ухо. Но самое главное в данном случае то, что, как показывает заснятая фотолента длиной в целых 5 метров, этот пятый тон обладает полной самостоятельностью. Кроме этого, замечательно, что петух одновременно издает еще два тона, воспринимаемые нашим ухом, как диссонанс. Этот диссонанс у некоторых петухов проявляется на протяжении всего их пения, у других едва лишь намечается. Из всего сказанного можно сделать один важный вывод: если различные животные и обладают звуками речи, то они все же не могут их сочетать в обособленные, определенные слова.

В С А Д Н И К

(Э п и з о д)

С. Гусев-Оренбургс

Туманный, сырой зимний день, — канун Нового года. Деникинская армия только что в беспорядочном бегстве очистила Ростов, под натиском конницы Буденого, и засела в неприступном Батайске. Целый день грохочут пушки, обстреливая Батайск и подготавливая наступление. Магазины в большинстве заколочены, вдоль тротуаров лежат убитые, их никто не убирает уже третий день, люди, мимо них равнодушно проходят. Трупы лошадей: собаки по ночам грызут их внутренности, но это мало кого интересует. Война в разгаре.

Но улицы оживлены.

Льются серые потоки любопытных, скачут буденовцы и по временам стреляют в воздух, раскачиваясь в седлах. Идет пьянство, а местами и грабеж, — и их невозможно остановить. Приказом Ревкома уже расстреляно несколько командиров за отсутствие дисциплины в их частях, и извещения об этом развешены по улицам, но с дикими донцами и кубанцами ничего нельзя поделать: после тяжелого военного похода они дорвались до городских винных подвалов, которых не могла выпить вся «контр-революция», прокатившаяся через Ростов.

Видные коммунисты говорили:

— Пока все вино не выпьют — не брать Батайск.

Но вина слишком много.

Всюду в переулках, у подвалов, группы конных. Пьют из ведер, со смехом и криками. Казак, сажень в плечах, подносит ведро к морде лошади и заставляет ее:

— Пей... ну, пей-же, милага, подкрепляйся, сейчас в

наступление пойдем.

Двое помогают ему: загибают голову лошади и он льет ей в рот вино. Я стою и наблюдаю. И вот вижу: в конце переулочка показался всадник на прекрасном, крупном вороном коне. Сам тоже крупный, уже не молодой, сухоощавый, но какой-то весь могучий, как богатырь. Сидит спокойно, и конь идет спокойно. И у каждого дома, у каждого ворот останавливается и все о чем-то спрашивает. Спросит, и едет дальше.

— Эй, Седелников, — крикнул ему казак, поивший лошадь, — поди, испей вина... чего зря едешь.

Всадник подехал к группе.

И тут впервые я увидел его глаза, — впалые, темные, как-то бездонные и таящие тоску.

— Ты-же знаешь, Скопцов, што я не пью. Мой зарок тверд: пока сынов не найду, в рот не возьму. А вот лошади дай... умаялась, милая.

Казак стал поить его лошадь, а сам изподлобья всматривался.

— Все едешь?

— Езжу.

— Все ищешь?

— Ищу.

Внезапно всплыла угрюмая тоска в словах его.

— Сыночки. Парочка. Пойми. Краса. Богатыри. Вместе сражались за свободу, бок о бок во всех боях. И никогда пуля не взяла... а тут... на сонных напали... взяли сыночков моих... пленили.

— Когда пленили-то?

— Да ведь знаш. Три месяца уж прошло.

— Да чего-же ищешь-то?

Кабы были тут, объявились бы.

— А може больны валяются где-нибудь. Сынчик ведь ходит, в каждом доме больные.

— В госпиталих бы справлялся.

— Обвездил все. В госпиталих всех не уложишь. Може где-то где-нибудь.

Он смолк.

И поехал дальше, медленно, вдоль переулочка, по-прежнему останавливаясь у каждого ворот. Я смотрел ему вслед, не подозревая, что мне еще придется с ним встретиться.

А пушки все гудели.

Их удары сливались в сплошной грохот: подготавливалось наступление. И вот как будто ветром сдуло всадника с улиц.

С балкона одного дома на Садовой я имел возможность наблюдать. Вдали, за ровным снежным семиверстным полем, виден Батайск. Ни кусочка, ни ложбинки, ни клочка прикрытия. Надо победить это семиверстное поле под треск пулеметов противника, надо сквозь град пуль и шест шрапнели прорваться лавиной до улиц Батайска, бороться в них, искать и ловить притаившихся за каждым углом врагов. Враг сидит в надежном прикрытии и надо семь верст скакать до него, смеясь над смертью, имея столько-же шансов остаться в живых, как у падающего в пропасть.

Я вижу на белом поле движущиеся темные пятна всадников, — они скачут вихрем, но издали так медленно их движение. Пятна сливаются и распадаются, скачут отдельные всадники, падают и остаются лежать, и растворяются

в новых темных пятнах поле чернеет от их массы. Шаг за шагом побеждают они воющее и грохочущее пространство, — медленно, медленно... верста... две... три... Пушки помогают им, впиваясь снарядами в улицы и дома Батайска.

Но вдруг... заминка... остановка какая-то.

Вот дрогнул правый фланг, остановился, спутался, повернул и помчался обратно. И вот уж вся масса в смятенном вихре мчится обратно. А белое поле все усеяно неподвижными точками...

Потом я узнал: погибли тысячи.

И много этих тысяч погибло прежде, чем был взят Батайск только через три месяца, после многочисленных наступлений.

...Раненных нельзя убирать: из Батайска стреляют. Темнеет.

Наступает ночь, новогодняя ночь.

Я вернулся домой и застал картину разгрома: в нашем дворе грабили квартиру, у хозяев которой два сына офицера ушли с деникинской армией, — об этом грабителях, — три здоровенных казака, — были хорошо осведомлены. Они перерыли всю квартиру и, угрожая саблями и револьверами, требовали денег. Между тем два члена домкома спешно отправились к командиру, адрес которого случайно узнали. Вскоре они вернулись с командиром. Но казаков уже и след простыл. Командир, невысокий, полный человек лет сорока, рассыпался в извинениях и сожалениях.

— Жаль, что я этих мародеров не застал, — я бы их на месте уложил, — говорил

он, — они порочат красную армию.

Поспешно вынул бумажник.

— Сколько они у вас взяли? У меня вот к сожалению, есть своих только двадцать тысяч... возьмите пожалуйста.

И уговаривал.

— Возьмите!

Уходя, все повторял:

— Я бы их на месте уложил.

Домком организовал ночную охрану.

Железные ворота были крепко замкнуты и было отдано распоряжение никого не впускать без вызова председателя. Весь вечер поджидали к воротам всадники на чудесных крупных конях, сами крупные, здоровые, в лохматых шапках и тулупах. Пытались проникнуть во двор, ругались, говоря, что тут скрываются офицеры. И уезжали, когда называли имя командира.

Настала темная ночь.

От одиннадцати до часа была моя очередь дежурства, вдвоем с каким-то кооператором. Мы сидели в темном коридоре у ворот, прислушиваясь к неясным звукам ночи и разговаривали шепотом. Жуть лилась из темных, наплывала от пустынных, притаившихся улиц. Говорили о том, что не надо выходить, если будут стучать, потому что свои знают где звонок у ворот. Говорили, замолкали, слушали. Молчала тьма, жизнь казалась сном. Кооператор закурил и, при вспыхивающей папиросе, посмотрел на часы.

— Двенадцать.

В этот момент где-то тай

вблизи бухнуло и зашумело с холодным и злым свистом пронеслось. Как будто лед во вспыхнуло и снова вдали ухнуло. В третий раз загрохотало вблизи, наполнило улицу и смолкло.

Мы слушали недвижно. Каждый чувствовал открытым этим жалким и неведомо откуда приходящим ветром зла и смерти.

— Батайск поздравляем. Новым домкомом кооператором.

Действительно, такая тишина, шалась, чего-то.

Последний год. В воле.

Мы не знали. Снова стучало и лос:

— Эй, товарищи, лазарет?

Мы вышли.

Уворот две фланги на руках трывожную и молчаливую.

— Не тут-ли спрашивали вы?

Лазарет был. Мы указали его.

— Кого несут?

— Сейчас рядом сшибу.

То все ездит, чал в ворота.

Молчал. Я не знаю.

Я все фланги.

И уворот.

Высокий олетый по пороге зала. Это — сестра иностран-...
 идите ближе! — го-...
 Харп встает, но она на свидетеля...
 ей вероятности, вы нас пригласила защи-...
 ой. Впрочем, подсу-...
 скажет вам подроб-...
 14.
 одный свидетель знает, какой значите-...
 занимает этот госпо-

Председатель свидетеля.
 — Нет, я хочу лишь заявить, что я всегда уважал эту даму и не изменил своего мнения к ней.
 — Вы не считаете ее способ-...
 ной на шпионаж?
 — Ни в коем случае!
 — Хорошо. Можете уйти!
 Подходят другие свидетели, все люди с более или менее извест-...
 ными именами. Они не говорят ничего нового. Никто из них не замечал в Мата - Харп ничего подозрительного. Эта женщина любовницами которой были гене-...
 ралы, министры, президенты и

Великий изобретатель фонографа, кинематографа и лампочки накаливания. Сообщают, что Эдисон живо интересуется изобретением профессора Тен...

Они хотят...
 Но Мата - Харп не сдастся. На ней не заметно ни беспокойства, ни страха. Она отлично спит без всякого веронала. Она умеет владеть собою и улыбает-...
 ся.
 — Что такое смерть? — спрашивает она. — Смерти не существует. Будда учит нас, что мы не можем умереть. Все на свете не ревоплощение и вечная жизнь...
 Она улыбается загадочной улыбкой.
 Смерть является для нее не наказанием, но надеждой на нирвану.

...ть вам свои извинения. Действительности, д-р Блю-...
 который видел смерть столь-...
 заключенных и помогал всем им до последней минуты, не на-...
 шел в себе силы явиться к Ма-...
 та - Харп после решительного от-...
 каза Пуанкаре. Он боялся выдать себя и расплакаться. Вся тюрь-...
 ма знала, что казнь назначена на завтра...

Последние часы перед смертью.
 Сестра Мария, жалевшая Ма-...
 та - Харп, не хотела, чтобы она оставалась одна и попросила д-ра Бизара посетить ее.
 Но врач был смущен. Он не

Новые теории вечного вопроса

О БРАКЕ.

А. Степной.

вобод...
 дах —...
 вопрос...
 ссоров...
 до чи-...
 безу-...
 лишь...
 очками до...
 грив и немощ...
 ии. этим вопро-...
 ы, все его об-...
 ячо, но зача-...
 ово.
 ние несколько...
 пришлось про-...
 й журнальных...
 атей и услу-...
 армию лекто-...
 шихся все в...
 всех этих...
 лучил ни-...
 Сенса-...
 ром по...
 брачная...
 смысл...
 ей к...
 проще...
 лектор...

ния человечества от мрака брака, тем беспротестнее этот мрак становится.
 Я уже было махнул рукой на авторов, лекторов и брак, как вдруг совершенно слу-...
 чайно, в частном доме, услы-...
 шал небольшую речь врача-...
 психиатра с русской фами-...
 лией, но со все - американ-...
 ской известностью.
 То, что он сказал, было просто, но глубоко и полно-...
 весно.
 С задушевной улыбкой он попросил своих слушателей не волноваться, не быть тре-...
 вогу по поводу распушенно-...
 сти молодежи обоих полов. Живущей сексуальной жиз-...
 нью задолго до формально-...
 го брака, по поводу участив-...
 шихся разводов, растущей бездетности и тому подоб-...
 ных страхов.
 Прежде всего, сказал он, что такое моральность и бес-...
 путство? Оба являются поня-...
 тиями относительными. Ес-

ли смотреть на до-брачную половую жизнь женщины со здоровой точки зрения, то эта жизнь ничуть не хуже и не безнравственней до-брачных связей мужчины. По праву, моральный стандарт должен быть одинаковых как для мужчины, так и для женщи-...
 ны. Современем мы научимся признавать за женщинами то же право что и за собой. Мы не будем изводить их ревно-...
 стью за то, что не принесли нам, их законным мужьям, девственность — как втече-...
 ние веков женщины не тре-...
 бовали этой девственности от нас, боялись требовать, страшлись даже спросить.
 Разводы не должны нико-...
 го пугать. Факт их учащения показывает, что люди умне-...
 ют и пытаются исправить ошибку неправильного поло-...
 вого подбора вместо того чтобы покориться этой ошиб-...
 ке беспрекословно и тем раз-...
 бить свою жизнь до греб-

вой доски.
 Половой подбор редко бы-...
 вает правильным. Одно, почти невозможно, найти идеальную пару...
 подходящую друг к другу. Разводы помогут чисту иде-...
 альных пар расти с должной быстротой. Человечество учится на ошибках и не сты-...
 дится этого признать. По-...
 чему же стыдиться этой «че-...
 бы на ошибках» в браке?
 Говорят, брачные радо-...
 ры обязаны своим роном бешенному темпу маши-...
 временной машинной вили-...
 зации. Но наука показывает, что брачная жизнь не была счастливой и в до-...
 машинные времена. Приводится пример австрийского дача, восемьдесят лет назад про-...
 изведшего такой опыт.
 Он взялся за изучение сот-...
 ни пар всевозможных вра-...
 стов, видов воспитания, со-...
 циального положения — ма-...
 тематической точности он

доказал что девятисто семь пар абсолютно несозданы и неприспособлены друг к дру-...
 гу, но что не разводятся из-...
 за католического закона, за-...
 рещающего расторжение бра-...
 ка, и из-за боязни «мнения общества». Три пары не во-...
 шли в этот печальный спи-...
 сок просто потому что скры-...
 ли даже от врача свою ин-...
 тимную жизнь, но и тут он остался при своих подозре-...
 ниях о непригодности и этих трех пар к счастливой поло-...
 вой жизни. Конечно, по опу-...
 бликовании исследований врача, карьера его была по-...
 гублена и жизнь разбита. Ему пришлось покинуть ро-...
 дину и умереть в Париже в бедности и страданиях. Восемьдесят лет назад, челове-...
 чество не хотело слышать правды о браке.
 В заключение русско - аме-...
 риканский психиатр сказал следующее (и мне показало-...
 сь это самым важным и

существенным):
 Брак, в своей примитив-...
 ной стадии, был явлением чисто биологическим и отнюдь не психологическим. Животные, в том числе и лю-...
 ди, сходились для продолже-...
 ния рода. Сравнительно позд-...
 но у людей появилась по-...
 требность и в духовном об-...
 щении двух полов. Люди стали сходить не только для продолжения рода, но и для любви, много позже по-...
 сле периода когда деторож-...
 дение возможно.
 Половой акт ради таково-...
 го, а не ради зачатия — впол-...
 не разумное, законное явле-...
 ние, которого нечего сты-...
 диться. Уменьшение деторож-...
 даемости — фактор, кото-...
 рый не должен никого пугать. Человечество не умрет и не прекратится. Меньше...
 числом — лучше качеством. Что бы ни каркали вороны церкви и реакции, мы идем к прогрессу.

Когда думаешь о том, что вот деревня читать стала, развивается, вспоминаешь старое. Наблюдал я такой случай. На второй неделе великого поста мой знакомый мужик, Павел, поехал в степь за сеном. Навил с работником два воза и так разгорелся, что пар от него валил.

— Уморился-же, — вздохнул он всею грудью, — пить хочется ни в какую стать... ништо снегу наестся?

— А лужи на што? — угрюмо сказал работник.

— Дельно сказано.

Павел припал к луже натаившего снега и долго пил, не отрываясь. Необыкновенно приятным и вкусным показался ему этот напиток.

— Лучше квасу.

И взобрался на воз. Дорогой вздремнул немного. А под'езжая к дому, проснулся и тут-же почувствовал лому ту в животе.

— С чего бы это? — удивился он.

К вечеру его свалило.

Лежал он на лавке, покрытый овчинами, в жару, в ознобе, и жаловался.

— В брюхе холодно... и лихоман трясет... с чего бы это?

— Попритчилось, — уверено решила соседка Фоканов,

на, — или нехороший человек дорогу перешол.

— Как будто и не было никого на дороге-то.

— Ну тогда с глазу.

А жена сказала.

— Мотри, Павлуша, ты в ворота не перекстись выехал?

— Перекстидся, как - быдто.

— А ты вспомни... может за то господь и наслал.

— Как-же не перекститься... перекстился.

Собрались соседи и соседки, стали придумывать средства.

Решили Маячиху позвать, она с уголька заговаривать мастерица. Пришла Маячиха. С седыми косами растрепанных волос, согнутая старостью, Маячиха вошла, крепко стуча посохом. Шамкая, сказала глухим и сердитым голосом.

— Углей дайте на жаровне.

Приготовили жаровню.

При благоговейном молчании присутствовавших Маячиха дрожащей рукою брисила на угли какую-то траву и над синеватым дымком, поднявшимся с жаровни, стала быстро-быстро шамкать.

— Свят... свят... свят... свят...

Люди робко вслушивались

в ее таинственную речь.

— Зоря зорюшка, зоря утренняя... царевна, заморская королевна... Мария, господня мать. Как ты, зорюшка, углем горишь на стране восточной, на стране западной, так бы у раба божьяго Павла душа в теле разгорелась... трясовицу лихую с ее сестрами прогнала. Сестру первую, — огневицу горящую... сестру вторую — корчу лютую...

Потом Маячиха стала молиться на восток и на запад.

— Свят... свят... свят... свят...

И потребовала воды.

Она бросила в ковш с водою уголек и людям показало, что вода в ковше закипела.

— Свят, свят, свят, водичка прохладная, — продолжала нашептывать Маячиха, — свят, свят, от трех ключей братая... уголек божий обмой. Как мать пресвятую богородицу поила, — раба божьяго Павлушку напой. Как тело христа-спаса в Ордадь реке омыла, тело раба Павлушки омой...

Потом с мокрого уголька три раза сдунула в лицо ему воду, приговаривая.

— Свят... свят...

И заставила выпить всю воду из ковша, а после этого

ушла, что-то сердито ворча, ни с кем не простившись.

В ночь хуже стало Павлу, он метался и бредил.

Тогда решили позвать попа, — соборовать.

— С чего это с тобой? — спросил священник.

Павел с трудом проговорил.

— По... прит...чилось.

— Божье дело, божье, — хрипел батюшка, — по грехам нашим наказует нас господь. А промежду прочим не об'елся ли чего?

— Крохи во рту не было.

— То-то. Господь наказует об'ядение. А за соборование — то промежду прочим пять рублей.

— Знаем, батюшка.

— То-то.

В руку Павлу дали зажегшую свечу.

В синем дыме ладона священник слегка раскачивался и нараспев быстро-быстро читал молитвы. Перед ним на столе в большое блюдо с пшеницей было воткнуто семь деревянных палочек, на концах обмотанных ватой. Взявши палочку и омочив ее в елее, священник крестообразно мазал больного на «челе, ноздрях, ланитах, устах, персях и руках», молясь — Отче святыи, врачу душ и телес... исцели и раба тво

его Павла от обдержавших его телесные и душевные немощи... оживотвори его... яко ты источник исцелений...

Потом накрыл эго евангелием, призывая «руку крепкую и сильную, яко во святом евангелии сем».

Ночью Павел кричал и бредил.

— Горит... горит!

Тогда решили прибегнуть к последнему, но самому верному средству. Миколавна от правилась в кладовую и достала новенький праздничный хомут со звездочками. Велели работнику заложить в него лошадь и прогнать ее до седьмого пота. Работник уселся в дровни, с криком, с гиком махнул кнутом и помчал по сельской улице. Люди, знавшие в чем дело, покрикивали ему из своих изб.

— Ши-бче-е.

Как только лошадь нагрелась до того, что от нее повалил густой пар, работник пустил ее шагом и ожидал, когда она остынет, а затем снова пустил вскач. Когда взмыленная лошадь взмокла и задымилась седьмой раз, работник под'ехал к воротам. Торопливо распрягли лошадь, поспешно сняли хомут.

— Семь-ли... пропотелато?

— А то-о, — вяло сказал работник, — чать знаю.

В избе было жарко, душно, людно. Семь свечей, воткнутых в хлеб, горели на столе перед иконою. Двум девушкам поручили держать стоймя на полу дымящийся хомут. Два столетних седых старика, нарочито приглашенных, стали на нетвердых ногах перед жорлом хомута. Павла раздели до нага, стащили грудью на пол его беспомощное тело, продели под мышки полотенце, а концы его пропустили в хомут, — старики намотали их себе на дрожащие руки. Огнем свечей выжгли на хомуте кресты, sprыснули его святой водой. Солдат Пахомыч по военному скомандовал:

— Тя-я-ни-и.

И быстро-быстро нараспев забормотал.

— Богородице... диворадуйся...

Было больно и страшно смотреть на это ползущее тело. Бабы ревели и причитали. Старики тянули изо всех сил, голова Павла уже прошла сквозь хомут, но широкие плечи не проходили. Тогда, по совету Пахомыча, хомут положили боком. И медленно поползло дальше шуршащее тело.

...В полночь Павел умер.

стою и внушила людям до-вольно легкое отношение к жизни, бунт этот принял очень острые формы.

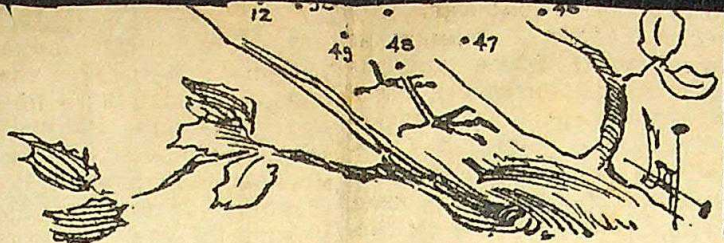
Женщина, наоборот, до последнего времени крепко держалась моноандрии, т. е. одномужества. За редкими исключениями многомужество было противно ее природе; материнство идет в разрез с многомужеством. Но по мере того, как женщина покидает домашний очаг для фабрики, конторы, канцелярии, по мере того как круг ее интересов расширяется, и она втягивается в водоворот общественной, государственной и общечеловеческой жизни, — она перестает быть только матерью и женой, а становится человеком со всеми его добрыми качествами и недостатками. Инстинкт материнства уже не так властно господствует над ее психикой, а ослабление этого инстинкта часто толкает ее к многомужеству.

Вывод: брак как социальный институт, занимавший некогда огромное место в жизни, составлявший ее альфу и омегу, теперь играет не той сравнительно скромную роль, отодвинут на задний план тысячу других интересов, заполняющих жизнь мужчин и все растущего числа женщин. Брачный союз на всю жизнь все больше становится тяжким, иногда невыносимым ярмом для обеих сторон. Человечество идет к полигамии. Этого не предотвратят никакие карательные законы и никакие моральные проповеди. В какие формы выльется новый полигамический, если можно так выразиться, брак, предсказать трудно. Но с уверенностью можно сказать, что брак в нынешней его форме дошел до полного и окончательного банкротства.

религиозных миссий. Они утверждают, что в этой отрасли экспорта девушек повинна, главным образом, ликвидация домов терпимости в Европе. Девушки, так сказать, эмигрируют в Южную Америку, чтобы там продолжать свою старую деятельность.

НЕ ХОТИТЕ ЛИ БЫТЬ ХУДОЖНИКОМ НА МИНУТУ? — Следуя

по номерам, на рисунке, обведи-те все точки линией и смотрите, что получится!

«Подавись этими деньгами. Я уйду, чтобы начать мою несчастную жизнь сначала». Но жена настигла меня и вернула домой...

Судья признал «правила жизни», установленные женой, нестерпимыми и расторг брак.

кими пластинками.

В кастрюлю положить нарезанное сало, прожарить слегка, положить кость, 2 стакана кислой капусты, 1 большую натертую на терке морковь, 1-2 мелко нарезанных луковицы, накрыть крышкой, тушить 1/2 часа, почаще помешивая или потряхивая, чтобы не подгорело. Затем всыпать 1 стол. ложку муки, размешать, влить 8 стаканов воды (лучше кипятка), посолить по вкусу, положить 1 лавров. листик, мелко нарезанного картофеля, варить до готовности капусты.

КАРТОФЕЛЬ ФАРШИРОВАННЫЙ

8 штук картофеля крупных или 12 средней величины вымыть хорошенько, кто желает, очистить, но лучше не чистить, так как в кожуре картофеля много полезных солей. Срезать верхушки и осторожно вырезать серединки (которые положить, мелко нарезав, во щи). Мякоть свинины, оставшуюся от щей, пропустить

направленные к достижению максимального ослабления мускулатуры. Поэтому в гимнастике женщины упражнения, направленные к достижению наибольшей эластичности мускулов, должны занимать по крайней мере такое же место, как упрежнения, укрепляющие мускулы. Во всяком случае из программы гимнастических упражнений для женщины должны быть исключены все упражнения, вызывающие чрезмерное и слишком длительное колебание всех органов нижней части живота.

ЖЕНЩИНА И ГИМНАСТИКА

Увлечение гимнастикой и спортом, как это обычно бывает со всяким новым увлечением, повело к многочисленным злоупотреблениям. Особенно это относится к женскому спорту.

В условиях современной жизни в женщине сплошь и рядом пред'являются несоразмерно большие требования. Женщина должна изо дня в день выполнять одну и ту же работу, несмотря на то, что в определенные периоды ее организм уже перегружен работой над своим собственным внутренним ростом. В эти дни женщина оказывает под двойной нагрузкой, и врач часто видит результаты этих чрезмерных требований. Они сказываются в нарушении функций наиболее важных для женщины органов, служащих во всей совокупности делу продолжения рода.

Понятно, что женский организм, укрепленный гимнастическими упражнениями, будет дольше и сильнее сопротивляться перувеличенным требованиям, пред'являемых

к ней жизнью. Но никакая даже самая целесообразная гимнастика не сможет на продолжительный срок застраховать женский организм от вредных влияний непосильной работы или исправить причиненный ему вред. Поэтому, параллельно с физическими упражнениями необходимо соблюдение разумной жизненной диеты. Но при правильном хозяйничаньи силами женского организма, современная гимнастика, видоизменяющаяся в зависимости от состояния, в котором женский организм находится, оказывает благотворное влияние, помогая ему легко справляться и регресса в женском теле с мощными процессами ру-ле.

Когда женский организм приступает к демобилизации привлеченных к процессу деторождения внутренних сил, необходимо подкрепить работу организма соответствующими физическими упражнениями. Невнимательный уход за женским телом во время процесса регенерации — причина многих болезней.

Как часто можно на улице уже по походке и по впечатлению какой-то развинченности отличить женщину ставшую матерью, от ее сверстницы, не проделавшей этот путь. Однако и здесь не нужно переоценивать того, что могут дать физические упражнения. Самое важное — дать женщине возможность пережить материнство в назначенный природой срок и не перегружать ее организма другой работой, кроме работы по продолжению рода.

Женское тело имеет еще одного опасного врага — ожирение, борьба с которым для нее гораздо более труднее, чем для мужчин. Пять моментов в жизни женщины особенно способствуют чрезмерному отложению жира в ее организме — вступление в период половой зрелости, бесплодие, вынашивание и кормление ребенка, прекращение кормления и климактерический период. Во всех этих случаях женский организм перестраивается, и достаточно, чтобы женщина продолжала принимать то же

количество пищи, которое нужно было в период усиленной работы организма, чтобы она сейчас же стала жертвой ожирения, вызванного ее собственным неблагоприятием. Здесь гимнастика может помочь только одновременно с диетой и то только на первых порах. Как только женский корпус потерял свою крепость, гимнастика уже не на много может помочь.

В заключении — несколько слов о тех случаях, когда физические упражнения приносят непосредственный вред женскому организму. Требования, пред'являемые к женскому и мужскому организмам, настолько различны, что попросту разбавить мужские упражнения и в таком виде преподнести их женщине представляется совершенно бессмысленным. Приспособление мускулов к максимальному сокращению, что является основой всех мужских упражнений, у женщины играет если не второстепенную, то во всяком случае не более ценную роль, чем упражнения,ней части живота.

В бурную зимнюю ночь у роза смерти звучала в вое ветра над метавшимся по тайге бродягой. Налетая с гулом и ревом, ветер хохотал и стонал вокруг, свистал на тысячи свистов, крутил вихрями и метелями снежной пыли. Он гнал бродягу по тайге, валил его с ног. Смерть вставала перед ним последним призраком его призрачной жизни. Скитанья, полные опасностей и лишений, не укрепили его: он был стар. До сих пор только одна мечта вдыхала в него силы: мечта увидеть родину. Он грезил в течении долгих лет об этом вожделенном дне. И он бежал. Шел все лето наугад, по звездам, стараясь хорониться в самой непроходимой таежной глуши, избегая встречи с человеком, как самым опасным зверем этих мест. По ночам он, с осторожностью лисицы, подкрадывался в глухие заимки и по тихим закутам высасывал молоко у коров, или брал хлеб из незапертого абмара. Случалось, что находил на заваленках изб. припасенные для таких, как он, кринку молока и ка-

равай. Но еще чаще сторожевые собаки, далеко чужа его приближение, грозным лаем отгоняли его. Случалось, — он не видел хлеба неделями. Он питался орехом, дикой ягодой, прохладные ручьи утоляли его жажду. А таежное лето быстро пришло к концу. Дожди лили неделями, вся природа напалась холодной сыростью. И вот как будто с зловещим трском стала замерзать земля. Набежали тучи с северач подул ветер, разыгралась сибирская пурга. В эту бурную ночь он потерял все дороги, крутил без пути в обледенелой чаще, бросался из стороны в сторону, но не расступалась белая могила. В полусне, охватившем его, ему почудилось, что лает где-то собака. Неясный человеческий голос достиг его слуха. Он пошел на этот голос и собачий лай.

— Кто там? — раздался вблизи грубый голос. На крыльце хаты стояла черная тень человека с ружьем в руках, а перед крыльцом в снегу металась маленькая черная собачка.

— Кто такой? — резко спросил человек. — Спаси... замерзаю. — Кто такой? — повторил тот.

— Беглый... — Откуда сбег? — С каторги, родной... все лето шел. Представь по начальству, только дай обогреться. — Иди в хату, — глухо сказал человек.

И резко крикнул на собаку. — Жучек... назад.

В хате было тепло, даже жарко, и никого не было, кроме собачки да самого хозяина. Он был человек вида мрачного, широкий, плотный, неуклюжий, так густо поросший черным волосом, что виднелись только угрюмые глаза да мясистый сердитый нос. Он пальцем, молча, показал бродяге на скамью близь печки, потом достал водки и налил ему стакан. Тот было стал благодарить, но человек резко сказал.

— Пей! Потом бросил ему тулуп и валенки.

— Скинь лохмоты-то... те кет. И больше не сказал ни слова.

Поставил самовар, собрал на стол. Бродяга скоро согрелся у жаркой печи, но не смел нарушить молчанья. За окном выла и клочкотала пурга. Самовар skipел, человек поставил его на стол, достал молока, хлеба, а из печи жареного зайца.

И сделал рукой резкий жест. — Садись к столу.

У стола на скамьях лежали волчьи и лисьи шкуры, большая медвежья шкура висела на стене. Человек налил в чашки чаю, с полки достал пороховницу и занялся набивкой патронов. Делал он это обстоятельно, не торопясь, временами взглядывал на бродягу и показывал ему глазами или кивком головы на место, на зайчину. Походило это на приглашение и в тоже время на приказанье. И бродяга, без лишней думы, отдался на волю судьбы: ел так, что в челюстях хрустело и собачка принималась ворчать, пил до отвала, до по-

ту, горчий чай без счету чашек. Только уж когда из крана стало капать, человек взглянул и вдруг улыбнулся во все лицо, широко разинув лохматый рот.

— Ло-о-вко.

И опять поставил самовар. И когда поспел этот новый самовар, он собрал со стола все свои припасы, уложил их в большой кожаный мешок, повесил на медвежью шкуру, сел к столу и резко сказал.

— Что молчишь?

Бродяга взглянул на него пугливо.

— Рассказывай.

— Что, друг, рассказывать-то?

— За что на каторгу попал?

— Да-а... барина убил.

— Ишь, чорт полосатый.. чем тебе барин помешал?

— Двадцать шесть годов за это терплю.

— Мало, — угрюмо засмеялся человек, — барская шкура дорого стоит.

— Лютый был человек Максим Петрович, не тем будь помянут. При нарезке нас в болото загнал. Штрафа ми раззорил. Но особенно

девкой донимал. Портил девок. Што ни семейство то порченная девка. А суд на него какой? Гогочет как жеребец. Я сватался к девочке... скромная такая, милая. Напал в лесу, испортил. Утопилась она. И задоело это обществу: порешили ему кончину сделать. Ну... был я мужик одинокий, чего мне, думаю, терять? Взялся я за это дело...

За окном пурга бесилась, выла, злилась.

— Не жалеешь?

— Чего жалеть... миру легче стало. Жена его остатню землю мужикам уступила по льготе. Несчастная тоже женщина была, через него-то. Писали мне мужики-то в каторгу: просторнее стало.

Он улыбнулся робкой, детской улыбкой.

— И помоложе кои, и не знали меня кои: не забывали.

— А зачем сбег?

— Тоска. Хоть бы глазом взглянуть на родное житье-ство.

Он пугливо посмотрел в глаза хозяина.

И понурился.

Человек поднялся. — Лезь на печь, — с внезапной грубостью приказал он, — мне завтра рано вставать.

Залегая на горячую печку, бродяга хотел было спросить — предоставят ли его по начальству, но не решился.

Чуть светало, когда его разбудил окрик.

— Вставай!

Перед ним стоял хозяин, уже по походному одетый, в шапке, с рукавицами в руках, с сумкой через плечо. Бродяга поспешно бросился к своим лохмотьям и принял надевать их, но внезапно человек свирепо закричал на него.

— Чего ты, чорт полосатый, делаешь!

Тот растерянно взглянул. А человек орал.

— Надевай тулуп и валенки... чего дал, назад не беру.

И кинул ему кушак.

Надел рукавицы, взял ружье и пошел на улицу. Через минуту они стояли у крыль-

ца, собаченка радостно вертелась у их ног. Пурга перестала, было ясно и морозно. Человек поднял рукавицу.

— Жарь прямо.

И резко вытянул руку по направлению к дороге.

— По вехам. Не сворачивай. Пятнадцать верст пройдешь, линия.

Повернулся и пошел в другую сторону, только крикнул собачке.

— Жучек, за мной.

Но вдруг остановился.

И принялся орать.

— Сто-о-ой!

Подошел совсем близко и тихо спросил.

— А деньги есть?

— Откуда-же, родной...

— Ни кепы?

Тот молчал.

Человек опять улыбнулся во все лицо, широко раскрывши лохматый рот.

— Ишь, чорт полосатый... Что-то протянул ему.

— На. Рупь!

Повернул и пошел скорым шагом, не обертываясь.

на них, пехота в состоянии решать различные задачи в бою, не обращаясь каждый раз за помощью к дивизионной артиллерии.

Заманчивая мысль заменить винтовку автоматическим ружьем (автоматом) не имеет еще за собою большинства. Существующие образцы автоматов заставляют желать лучшего. Да и пугает опасность полного израсходования боевых припасов в наиболее критический момент боя. В руках нестойких войск автоматы легко превратятся в трещотки. Пехота получила автоматы, но как дополнение к винтовкам. Получила она и автоматические пистолеты, пришедшие на смену револьверам. Пистолеты ей очень понравились.

В начальный период войны работу армии облегчит мощная артиллерия на железнодорожных установках. Она бросает гранаты на 55 — 70 км и будет обстреливать пути, места скопления, крупные центры. Словом, возьмет на себя работу авиации в передовой зоне и тем избавит свой воздушный флот от больших неприятностей. В помощь этим пушкам идут сверхдальнобойные орудия калибром 340-240 мм.

Война, конечно, ужасна и отвратительна, об этом не может быть двух мнений, но война — пусть на первый взгляд это покажет парадоксом — выполняла всегда одну не только полезную, но прямо таки необходимую функцию. Наряду с двумя другими не менее ужасными явлениями — голодом и эпидемиями — война выравнивала баланс между рождаемостью и смертностью, препятствовала излишнему приросту народонаселения. Эти три страшных фактора действуют не только по отношению к человеческому обществу, но во всем живом мире, являясь настоящими факторами биологического регулирования численности живых существ: Способность к размножению у всех организмов чрезвычайно велика и при наличии достаточного количества пищи и при отсутствии болезней все живые существа, населяющие землю увеличались бы в своем числе в миллиарды миллиардов раз. Но недостаток пищи влечет за собой жестокую борьбу за существование, а болезни, особенно эпидемические, в свою очередь способствуют уменьшению всех «излишков». В природе эти саморегуляторы действуют и поныне — среди людей они с каждым веком утрачивают свое значение. В нашу эпоху губительные эпидемии стали исключением, вроде испанки, унесшей миллионы жиз-

ней только потому, что почва была подготовлена войной и лишениями. Гигиенические условия жизни и прогресс медицины увеличили продолжительность человеческой жизни — что между прочим хорошо учтено старыми обществами — наконец, голод, некогда опустошавший Европу, теперь возможен лишь в культурно отсталых странах.

Если блага цивилизованной жизни распространятся и на дикие народы, если, наконец война действительно навсегда прекратится, то ничто не будет мешать гигантскому приросту народонаселения земного шара и тогда перед нашими потомками, при том не слишком далекими, встанет жуткая проблема переселения старой планеты Земли. В настоящее время во всем мире живет 1800 миллионов людей, при чем ежегодный прирост составляет не многим больше одного процента. Произведения соответственных расчетов получим, что уже в 2.000-м году, т. е. через 70 лет население земли будет равняться 5 миллиардам, еще через сто лет на земле окажется 17 миллиардов, в 2200 году эта цифра возрастет до 54, а в 2300-м году число людей на земном шаре выразится чудовищной цифрой в 170 миллиардов и тогда, — остроумно замечает американский профессор Рос, производивший эти подсчеты, можно будет

ВОЙНА КАК БЛАГО. — ТРИ РЕГУЛЯТОРА: ВОЙНА, ГОЛОД, ЭПИДЕМИИ. — ЧТО БУДЕТ В 2300 ГОДУ? — «ТОЛЬКО СТОЯЧИЕ МЕСТА». — ПРЕДСКАЗАНИЯ МАЛЬТУСА И КРУКСА. — ЛЮДСКИЕ МУРАВЕЙНИКИ. — КОНТРОЛЬ НАД РОЖДАЕМОСТЬЮ. — ГИБЕЛЬ БЕЛОЙ РАСЫ. — ОСУШЕНИЕ МОРСКОГО ДНА.

вывесить плакат с надписью:

«Только стоячие места».

Через 400 лет — период соответствующий тому, который отделяет нас от крестовых походов — на земле можно будет только стоять плечом к плечу, лечь будет нелегко.

До этого периода человечество, конечно, никогда не доживет по той простой причине, что оно задолго до его наступления погибнет от вывел закон, что население растет быстрее, чем производительные силы земли и давно уже предсказал всеобщую гибель от голода. Его предсказание не сбылось, так как он не знал, что откроются огромные резервуары хлеба — в Канаде и Аргентине.

После Мальтуса со столь же пессимистическими предсказаниями выступил знаменитый Крукс, который учел все земли пригодные для земледелия и основываясь на средней урожайности заявил, что уже к 1930 году на земле не будет хватать хлеба, что хлеб станет роскошью. И это предсказание не сбылось. Хлеба сейчас наоборот слишком много и хлеб-

ные цены упали настолько, что заниматься сельским хозяйством становится невыгодным. Крукс так же, как и Мальтус ошибся — он не предвидел, что наука о наследственности, приложенная к культуре хлебных злаков позволит разводить высокоурожайные сорта пшеницы, дающие такие урожаи, о которых во времена Крукса — всего лет 40 назад — и не подозревали.

И все же, если отнестись к ученым предсказаниям со всем скептицизмом, нельзя не признать, что самая площадь земли — величина постоянная, а численность людей — величина беспрерывно увеличивающаяся. Следовательно, рано или поздно спор может идти о сроках — на земле действительно станет тесно. В некоторых районах земли уже стало тесно — в Китае и Индии живет около 40 проц. всего человечества в ужасающей скученности и в вызываемых этой скученностью чрезвычайно тяжелых условиях. В этих людских муравейниках люди действительно опустились на степень животных, живут так, как не захотел бы жить последний европейский

нищий, постоянно недоедают и прямо голодают, не имеют никаких потребностей, умирают, как мухи и постепенно с высоких некогда ступеней цивилизации сходят в глубины беспросветного варварства. Трагизм положения заключается и в том, что деваться всем этим «лишним» китайцам, индусам некуда. Европейцы находятся в лучшем положении, благодаря возможности переселения — если считать с начала христианской эры то из Европы выехало в другие страны по меньшей мере около 100 миллионов людей, т. е. четверть теперешнего населения. Но колонизационные возможности все сокращаются, в Америку и Канаду почти не пускают, в других странах пустопорожних, при том удобных для белого человека земель становится все меньше и меньше.

Если Европа не хочет уподобиться Китаю и Индии, то надо, как это ни печально, ввести контроль над рождаемостью и искусственно ограничить прирост населения. Вопреки гневным протестам моралистов плохо понимающих мораль, этот контроль уже фактически осуществляется не законодательными мерами, а так сказать в частном и индивидуальном порядке — немецкая «Цвел Киндер Систем» тому примером. Во Франции «контрагент» детей уже сокращен до одного ребенка на семью.

Положение действительно безвыходное. Вся надежда на науку. Наука должна изобрести новые методы безграничного, легкого и дешевого изготовления потребных пищевых продуктов. Наука должна сделать доселе необитаемые или малопригодные для жизни районы земли удобными и приятными областями. Наука, наконец, быть может даст возможность излишам земного человечества пуститься в колонизацию других планет. То, что казалось фантазией еще вчера, сегодня обсуждается вполне реально. Так, например, появились вполне серьезные и технически разработанные проекты увеличения площади Европы путем осушения мелководных береговых европейских морей — в первую очередь Северного и Средиземного. Ничего неосуществимого в этих проектах нет. Так, если построить плотину через Гибралтарский пролив, Дарданеллы и закрыть Суэцкий канал, то Средиземное море понизит свой уровень на 1000 метров и превратится в два больших озера, при чем Адриатическое и Эгейское моря исчезнут совершенно, а из под воды появится около 500.000 кв. километров суши. Другой проект предусматривает постройку дамбы от Англии до Дании, вследствие чего в Европе присоединится около 120.000 кв. км. В Европе становится тесно и приходится думать о пристройке.

внятом понятии добывать не приходится. Приходи, бери и... вези как можешь. Не даром года два тому назад на весь Союз прогремел скандал, когда свердловские строители «зачали» строить фундаменты домов из русских самоцветов.

Фабрика переросла допотопное оборудование, и тем не менее, она в 10-15 раз за последний год снизила себестоимость изделий из мягких пород, которые вначале стоили невероятно дорого.

Были у фабрики свои «спецы», губившие производство, были раздутые штаты, командировки, слияния и разединения, но все же, хотя с трудом, фабрика весь коллектив рабочих фабрики Семенович Константинович, пришедших к станкам с детства за отцом и дедом, держит путь на ее рост и развитие.

И сморщенный, озирающийся пугливо на сквозняки, герой труда т. Шалимов, прослуживший на фабрике 45 лет (в его честь названа шалимовская яшма, месторождение которой он открыл), изо дня в день рассказывает, любовно поглаживая вазы, чаши, чернильницы и лампы всех цветов радуги, десяткам экскурсантов о темном прошлом, о трудном настоящем и славном будущем.

СОН НА ЯВУ

С. Гусев-Оренбургский

Живешь в Америке, а душа все в России. Уж такова наша русская судьба: хоть тебя в самый лучший Форд посади, а в душе все зеленый проселок вьется, и трясешься по нему на скрипучей телеге да вольным духом степным дышешь не надышешься. Эх, леса керженские да степи заволжские, да горы - пригорки уральские, не повторные... у кого вы в душе поселились, — обреченный тот человек: разве только душу свою загубит, так вас позабудет. Да нет, и тогда не позабудет... в ваше лоно уложить, под камень горючий, загубленную душу свою, а сам телом, опустошенным и нищим, пойдет на поиски бизнесов да джабов и мещанского благополучия чуждых стран. И устроит — упокоит тело свое в доме с лифтом и центральным отоплением, обставит его мебелью и ковры под него постелет, а в гараже автомобильчик быстроходный для него припасет. И радио поставит, что бы джазами его забавлять, и офис для него устроит где-нибудь в деловом районе, с барышней - машинисткой. Да вдруг однажды оглянется на протекшие годы...

— А не запить-ли?..

В Чикаго вломился ко мне мой приятель. Вздохмаченный. Адвокат известный, деловой, серьезный.

— Идем...идем, чорт возьми!

Затащил в глухую улицу, тускло освещенную мигающими от ветра фонарями, — в зеленую итальянскую лавочку. За прилавком маленькая дверь ввела в обширный подвал, а там за длинным столом компания итальянцев по семейному играла в карты и с громким говором и смехом потягивала вино. В углу в обширном котле варились макароны, жарилось что то очень вкусное. Хозяин, итальянец, был «политышен», и полиция его несколько не тревожила. Стол уставился винами...вино бьянко да вино розо. Сухой, высокий, важный Политышен фамильярно положил руку на плечо адвоката.

— Давно не видать вас было?

Адвокат угрюмо промолчал, быть может и не слышал вопроса.

Он выпил под-ряд, с нервозной торопливостью, несколько стаканов, поковырял вилкой в макаронах и отбросил ее. Облокотился о стол и стал смотреть мне в лицо мутными и в то-же время какими-то бездонными глазами.

— Опять... поднялось, — проговорил глухо.

— Что?

— Лицо! Вот оттуда, — провел он сжатым кулаком

по груди, — из какой-то бездны пододронной. Иду по улице... и вот оно. Опять оно! Не могу спать... никакие капли не помогают. Лицо... все оно... стоит живое перед глазами... как тогда. Бросил офис... дела... не могу....

— Какое лицо? — дивился я.

В муты глаз его выявился вопрос.

— Вы не знаете? Разве не рассказывал никогда? Так слушайте, слушайте. Это жivet там где-то, в глубине, и умирает как будто надолго, и вот выплывает внезапно с сумасшедшей болью. Был в моей жизни случай, двадцать лет назад, когда я увидал Россию, проснувшуюся Россию, будущую Россию... лицо ее увидал... и в нее навсегда поверил. В девятсот пятом году это было. Я только-что выправил заграничный паспорт и ехал на Верж болово. Перед станцией у какого-то маленького городка машинист резко затормозил поезд и начал давать тревожные свистки. Я выглянул в окно и увидел громадную толпу, залившую все пути. Поезд остановился не доходя ее. — Поезд дальше не пойдет, — сказали мне. — Почему? — Объявлена всероссийская забастовка. Я вышел и замешался в толпу, такую деловито - серьезную.

Молодой, чоткий голос привлек мое внимание, я повернул лицо. И вдруг близко, прямо перед собой, увидел женщину, с груди каких-то мешков говорившую к народу. В простой одежде работницы. — молоденькая жена машиниста, как я узнал потом, — она в момент своей речи как-будто воплощала ту грандиозную социальную бурю, что шла по России. Я не запомнил, да я и не слышал ее слов... о чем ведь и могла она говорить как не о великой борьбе с тиранами? И этот праведный гнев на тиранов исходил из всего ее стройного тела, из уверенных жестов зовущих рук, прожигал темным пламенем черных глаз под круглыми как арки бровями и делал всю ее волшебной прекрасной, как разгневанная богиня. И не мог оторвать от нее глаз... словно погружался в волшебную сказку... и вдруг... я, рожденный и выросший в смиренной, приводившей в отчаяние России... с дрожью в сердце почувствовал и понял, что вот она... вот она Россия... смотрит на меня из этого лица, прекрасно го русского лица, опаленного божественным гневом. Да, божественным... праведным...

Он опустил голову и угрюмо смолк.

— Ну и что-же? — спросил я потихоньку.

Он снова взглянул на меня совсем помутневшими глазами.

— Я пробыл три дня в том местечке и завел кой-какое знакомство. Впоследствии, уже в Америке, получал оттуда письма, и в одном из них ответ на мой вопрос о жене машиниста. Приехала карательная экспедиция. Ее привязали к семафорному столбу. Красота ее тронула офицера из отряда. Он завязал ей глаза платком, не смотря на ее сопротивление. Но едва отошел, она несколькими крутыми жестами головы сбросила платок и гордо смотрела на поднявшиеся дула винтовок, пока голова ее не упала бесильно...

Дрожащей рукой он наливал себе вино, расплескивая его по столу.

— Вчера... я приторговал себе дом на Мичиган Авеню... должен был задаток внести. А сегодня... все к чорту... к чорту, к чорту.

Лицо его побагровело. Голова вздохматилась.

— К чорту! — повторял он.

Выпил залпом стакан и почти бросил его на стол, — тот звякнул, падая, и покатился.

— Почему вы не поедете в Россию? — спросил я совсем потихоньку.

Он горько рассмеялся.

И сделал круглый жест перед грудью.

— С чем?..

Тут-же принялся кричать, забывшись, по русски.

— Эй, почтенный синьор Кавиноки, распатронь - ка еще... твоей бьянки или розочки, все равно.

Но Политышен понимал всякую речь, ибо сводилась она к вещам всякому понятным. Он принес несколько бутылок и с сосредоточенным видом, поигрывая губами, принялся их раскупоривать. Внезапно приятель мой обрушился на него с нелепым жестом.

— Вот вина у вас много, синьор Кавиноки, а... душа...

Он тыкал ему в грудь вытянутым пальцем.

— А душа... у вас есть?!

Итальянец не понял и в недоумении пошарил на груди рукой.

— О-о, — вдруг догадался он, — сол? — вскричал он.

Лицо его сморщилось как печеное яблоко.

— Анима миа?

Он рассмеялся и слегка махнул рукой.

— Си нон э веро. В Милане осталась. За провоз не хватило.

В Нью Йорк только что прибыл из Советского Союза Ф. Шмидт, ветеран Испанско - американской войны, участвовавший в 24 сражениях. В настоящем очерке Ф. Шмидт делится с читателями «Русского Голоса» своими воспоминаниями об интересной страшной истории, которая, к горю человечества, еще не может обойтись без кровавых войн на пользу империалистов и международного капитализма.

Статья Ф. ШМИДТ.

В 1896 году, шестнадцати летним юношей, скопив тяглым трудом 50 рублей, я отправился в Америку. После месячного путешествия без сента в кармане, наконец, очутился я в Нью Йорке. Не имея ни души родных и знакомых, не понимая английской речи около недели скитался я по разным конторам в поисках какой-либо работы. Наконец согласился работать у одного фермера, получая шесть долларов в месяц. Здесь проработал полгода и, научившись немного понимать по английски, решил двинуться на запад. Так как денег на дорогу не было, то путешествие начал пешком, а потом стал забираться в проходящие поезда в товарные вагоны, где и оставался, пока какой-нибудь кондуктор не обнаруживал моего местонахождения и не выгонял опять на шоссе. Во всяком случае после двухнедельного путешествия добрался до Калифорнии. Дальше ехать было нелегко, да и денежные ресурсы были окончательно исчерпаны.

Пришлось опять наняться к ферму, но уже на несколько

лучших условиях. Мне платили по одному доллару в день.

Проработавши год, решил попробовать счастья в городе, и с этой целью отправился в Портланд, Орегон.

Объявление войны...

Как раз в это время Америка объявила войну Испании. Не долго думая, я записался добровольцем во 2 Орегонский полк, где был принят в команду А. После месячной подготовки нас отправили в Сан Франциско. Поездка эта памятна главным образом массой корзин всевозможных сластей и фруктов, которыми нас одаряла публика почти на каждой станции. Вскоре по приезде в Сан Франциско назначена была посадка на корабли для отправки нас на Филиппинские острова. Мы отправлялись туда первыми. Вся набережная была усеяна публикой. Гудят гудки, раздаются салюты из пушек, толпа восторженными возгласами провожает нас.

Помню, мы себя чувствовали настоящими героями. Последние проводы нам устроили в Гонолулу, где нас задержали на два дня. Ананасы, вина, сласти многим из нас расстроили желудок. Вообще же было масса подарков. Этими подарками заранее покупалась кровь, которая должна была пролиться в далеких краях.

Первые военные действия.

Путешествие к месту назначения Тихим океаном длилось больше месяца. По дороге наш корабль подошел к острову Гуан, который еще находился во владении испанцев. Сопровождавший нас броненосец подошел к остро-

ву и открыл огонь.

После нескольких выстрелов испанцы выкинули белый флаг. Наши корабли подошли ближе к берегу, откуда туземцы - полудиккий народ, совершенно голые, стали подвозить на своих челнах кокосы, бананы и прочие фрукты, меняя их на ленты, пуговицы и блестящие предметы.

По взятии в плен губернатора, корабли наши направились к Филиппинским островам. Вблизи них нас встретил поджидавший военный американский корабль, который эскортировал нас к порту Манилы.

Когда мы подошли к порту, то глазам нашим представилась картина происходящего здесь сражения. Испанский флот из 7 кораблей, затонувший в реку, был уничтожен. Часть кораблей была потоплена, торчали только трубы из под воды, часть была опрокинута на бок. Форт, который испанцы считали неприступным был совершенно разрушен. И все эти разрушения произвел только один американский военный корабль «Балтимор» в течение двухчасового боя, причем «Балтимор» остался невредимым. Бой этот воочию тогда показал, насколько американская военная техника выше испанской.

Боевое крещение.

Город Манила, как и провинция, оставались еще в руках испанцев, и для выбития их и требовалась наша пехота. На 13 августа 1898 года адмирал Дюий назначил штурм города Манилы.

Город представлял собой средне-вековую крепость, окружен был стеной в 5 сажен вышины, под стеной такой же ширины был устроен канал, наполненный водой. В

боковых башнях и по всей стене были расставлены пушки. Над укреплениями этими десятки тысяч людей трудились века, и все для того, чтобы после двухчасового боя весь город и его гарнизон сдались, вывесив белый флаг.

Первым вошел в город наш 2-ой Орегонский полк. У входа в город караул держала испанская гвардия, декоративно, как куклы обмундированная в серебряных шлемах. Когда мы вошли в город весь гарнизон сложил оружие, и над городом звился американский флаг. Мы проявили большой энтузиазм, один из офицеров нашего полка сказал краткое слово в честь американской армии и наш полк ответил громкими кликами. Теперь спустя многие годы этот наш победный клик напоминает мне крик петуха, который победив противника, на поле брани, кричит свое «ку-ку-реку».

В покоренном городе.

После занятия Манилы полки наши разместились по испанским казармам и занялись охраной города, вся провинция была предоставлена «самоуправлению» местных жителей. Те, которые веками переносили испанское иго, с которыми обращались как с животными и рабами, почувствовали свободу и патриотизм. Под предводительством Агинальдо местное население стало организовывать собственную армию и свое правительство. Все оружие и патроны, оставленные испанцами в провинции, перешли в распоряжение новой армии, и тут же на глазах наших караулов демонстративно началось обучение военному искусству и постройке новых укреплений. Так прошло

шесть месяцев.

Численность местной армии возросла до 40 тысяч человек, наш же гарнизон не превышал девяти тысяч. На вид силы не равны, и филиппинское командование, ослепленное численностью и патриотизмом решило с боем завладеть Манилой, американцев вырезать или заставить покинуть остров.

Кровопролитие.

Настал день 4 февраля 1899 года. День этот знаменуется в истории филиппинского народа братскими могилами и порабощением. Тысячи трупов, потоки крови, сотни раненных, пушечный гром. Наступление сорокатысячной филиппинской армии длилось всю ночь. Корабельные рефлекторы освещали нашу линию боя, пулеметы и корабельные орудия гремели непрерывно. После наступления филиппинцев, длившегося сутки, началось наше контр - наступление. Филиппинцы, разбитые в беспорядке стали оставлять свои позиции и бежать.

В этом бою и американцы потеряли несколько десятков солдат, но в сравнении с потерями противной стороны это был ничтожный процент. Превосходство американцам дали пушки и пулеметы, которых филиппинцы не имели. Настало время ликвидации восстания, и наш полк первым двинулся во внутрь страны, занимая города и провинции. Хотя противник и не был силен, но победа доставалась не легко. Днем сорокаградусная жара, при которой с боем приходилось продвигаться вперед, ночью обильные дожди и холода, местная лихорадка многих выбила из строя. Мы обросли, были оборваны и обессилены, когда наконец после че-

тырехмесячных боев: трудов получили смену в виде новых полков, и наш полк вернулся в Манилу.

Назад домой.

После нескольких недель отдыха, наш полк, как отлучившийся в боях, был первым отправлен на родину. По дороге в Сан Франциско наши корабли зашли в Японию. В Нагасаки оставались четыре дня, выливая остатки своей воинственности на ухаживании за прелестными японками, затем переход через океан и прибытие в Америку. В гавани Сан Франциско пришлось простоять сутки, чтобы дать возможность городу с торжеством нас встретить.

Заходим в город, гром выстрелов - салютов, энтузиазм публики, гудки, ракеты. Улицы, по которым нам приходилось идти, были усыпаны цветами, восторженные возгласы встречали и провожали нас.

Заклучение.

После нескольких недель, проведенных во всевозможных удовольствиях, которые нам устраивал город, каждый отправился к своим домашним очагам.

Я тоже поехал на родину, где, войдя в рабочие круги, нашел новое поле войны с царизмом, войну, ничем не похожую на минувшую войну. Эти новые бои шли за идеалы, дорога к которым вымощена трупами в дальнюю Сибирию и жертвами царских виселиц. Об этом при случае расскажу.

В настоящее время после двадцати восьми лет приехал в Америку повидать старых друзей, уже ветеранов минувшей войны, которые, как всегда бывает, считаются не нужным элементом в новых поколениях.

ЗАПИСЬ

В д... проинтерновано 5

(пейс)

09. 08. 90.

Должность Арх. 5 псш.

Рез --